

НЕ ОХЛѢВЪЕДИНИМЪ
БЛАГОУЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ

КОМУ ДЕРЖАВЪ НЕ
МАЯ ТОМУ
БОГА ПОСЛА

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

ИЗДАНИЕ

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

СПАСА

СВЯТЫХЪ
ВОЛОГОДСКАГО

СВЯТЫХЪ
ПЕРМСКОГО

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

№ 41
1907.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

Цѣна отд. № 5 н.

СОДЕРЖАНІЕ: Если хочешь злословить, то злословь свои грѣхи. (Изъ Твореній Св. Іоанна Златоуста).—Архипастырское посланіе Преосвященнаго Нікона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго. Возлюбленнымъ о Господѣ чадамъ Богомъ ввѣренной мнѣ паствы Вологодской миръ и Божіе благословеніе! *Никонъ Епископъ Вологодскій и Тотемскій.*—На пути въ объятія Отчи. Изъ дневника инока.—Сила Божія и немощь человѣческая Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. *Сергѣя Нилуса.*—Монахъ Іоаннъ. (На добрую память о Ванѣ).

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЗЛОСЛОВИТЬ, ТО ЗЛОСЛОВЬ СВОИ ГРѢХИ.

 ста тѣхъ, которые говорятъ срамное, пустословятъ, изрыгаютъ изъ своей гортани слова зловонныя и непотребныя, есть гробъ, вмѣстилище мертвыхъ костей и тѣлъ. Наполняй гортань свою, человѣкъ, благовономъ, а не зловонномъ; сдѣлай ее царскою сокровищницею, а не гробомъ сатанинскимъ. Если же она уже гробъ, то по крайней мѣрѣ закрой ее, чтобы не выходило изъ ней зловоніе. Ты имѣешь дурные помыслы? Не выноси ихъ посредствомъ словъ; пусть они лежатъ внизу, и скоро заглохнутъ. Мы—люди, часто питающіе въ себѣ много порочныхъ, непристойныхъ и постыдныхъ помысловъ; но не будемъ позволять этимъ помысламъ переходить въ слова, чтобы, сдавленные внизу, они ослабѣли и погибли. Ибо, какъ тотъ, кто ввергнулъ въ яму различныхъ свирѣпыхъ звѣрей, если сверху закроютъ эту яму, то легко задушить ихъ; а если оставить хотя малый выходъ и возможность дышать, то дастъ имъ большое послабленіе, и не только не задушятъ ихъ, но сдѣлаетъ еще болѣе свирѣпыми: такъ бываетъ и съ порочными помыслами, когда они зараждаются внутри. Если мы преграждаемъ имъ выходъ наружу, то скоро уничтожаемъ ихъ; а если выпускаемъ ихъ посредствомъ словъ, давая имъ перевести дыханіе посредствомъ языка, то дѣлаемъ ихъ болѣе сильными и отъ занятія постыдными словами скоро впадаемъ въ бездну непристойныхъ дѣлъ. Посему Пророкъ и назвалъ гортань не просто гробомъ, но *гробомъ отверзтымъ*, осуждая то самое, о чемъ я сказалъ; ибо кто произносить постыдныя слова, тотъ не себя только срамитъ, но распространяетъ великую заразу и между ближними и обращающимися съ нимъ. Какъ, открывъ гробы, мы наполнили бы города заразою; такъ и сквернословцы, открывая съ безстыдствомъ свои уста, заражаютъ всѣхъ обращающихся съ ними тягчайшею болѣзнію. Посему на

уста нужно налагать дверь, и запоръ, и узду. Научимъ свой языкъ носить узду и не произносить просто все, что есть въ душѣ, не порицать братьевъ, не угрызать и не пожирать другъ друга. Гораздо хуже кусающихъ тѣ, которые дѣлають это словами. Первые кусаютъ зубами тѣло, а послѣдній угрызаетъ словами душу, наноситъ рану доброй славѣ, и рану неисцѣльную. Посему онъ подвергнется тѣмъ большому наказанію и мученію, чѣмъ тягчайшее причиняетъ угрызеніе. И не поэтому только порицатель будетъ лишенъ прощенія, но и потому, что онъ не можетъ представить ни справедливаго, ни несправедливаго предлога къ своему пороку. У него нѣтъ никакого другаго повода, кромѣ зависти. Посему онъ и лишится всякаго прощенія. Ты хочешь порицать? Предлагаю тебѣ для этого полезный предметъ. Ты хочешь злословить? Злословь свои грѣхи. Языкъ есть мечъ изощренный; но имъ мы не должны ранить другихъ, а должны вырѣзывать собственныя гнилыя язвы. Зная это, будемъ заботиться не о чужихъ, а о своихъ порокахъ; будемъ испытывать свою совѣсть, вспоминать всю свою жизнь, изслѣдывать каждый изъ нашихъ грѣховъ, и не будемъ не только порицать другихъ, но и слушать порицающихъ. Ибо и за это положено осужденіе и величайшее наказаніе. *Слуха суетна*, говоритъ Писаніе, *да не примешь* (Исх. 23, 1). Не сказано: слуху суетному не вѣрь; но и не принимай его; загради свои уши, прегради входъ порицанію, покажи, что и ты не меньше чувствуешь непріязни и отвращенія къ порицателю, какъ и тотъ, кого онъ порицаетъ. Подражай Пророку, который говоритъ: *оклеветавшаго тай искренняго своего, сего изгоняяхъ* (Пс. 100, 5). Не сказалъ: я не вѣрилъ, или не принималъ словъ его; но и прогонялъ его, какъ врага и противника.

(Изъ Твореній Св. Іоанна Златоуста).

Архипастырское посланіе Преосвященнаго Нікона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.

Возлюбленнымъ о Господѣ чадамъ Богомъ вѣренной мнѣ паствы Вологодской миръ и Божіе благословеніе!

Вотъ уже въ третій разъ призываетъ насъ Боговѣнчанный Самодержецъ избрать и послать Ему въ Думу лучшихъ людей. И въ первый, и во второй разъ въ Его Думу Царскую хитростью и обманомъ проникали люди недостойные и въ числѣ ихъ было много такихъ, которыхъ слѣдуетъ прямо назвать открытыми врагами Царя и Отечества. Это — тѣ, которые величаютъ себя „соціаль-революціонерами“, „соціаль-демократами“, „трудовиками“, и другими названіями. Обманули они простыхъ людей, своихъ избирателей, наобѣщали имъ и земли, и воли, и всякихъ невозможныхъ льготъ, и простые люди не поняли ихъ лукавства, выбрали ихъ, и послали къ Царю какъ „лучшихъ людей“, а эти яко бы „лучшіе люди“ дошли въ своей дерзости до того, что составили заговоръ противъ Царя—Божія помазанника и на своемъ нечестивомъ совѣтѣ порѣшили: истребить все Царское Семейство, чтобъ не осталось на Руси и самого корени Царскаго, чтобъ царили на землѣ Русской только они—злѣдѣизмѣнники! И задумали они, эти соціаль-демократы и соціаль-революціонеры, совсѣмъ уничтожить на Руси вѣру Православную, чтобы всѣ Русскіе люди стали безбожниками. Вотъ какіе люди прокрались въ Думу Царскую по невниманію нашему, потому, что не захотѣли мы по совѣсти исполнить волю Царя нашего Батюшки. Многіе изъ насъ, истинно въ Бога вѣрующихъ и Царя любящихъ, не пошли тогда на выборы, а враги наши всѣ пошли до единаго, и оказалось большинство голосовъ на ихъ сторонѣ... Не стыдно ли намъ, православные? Не грѣшно ли предъ Богомъ, что не исполнили мы долга своего, не послушались воли Царской? Ужели же и теперь, въ третій разъ, повторится тоже самое? Ужели опять мы отнесемъ легкомысленно къ выборамъ, не пойдѣмъ на нихъ, и опять дадимъ врагамъ нашимъ полную свободу выбрать въ Царскую Думу такихъ же крамольниковъ? Я не обинуюся называю всѣхъ этихъ соціаль-революціонеровъ и соціаль-демократовъ смутьянами и злѣдѣями—измѣнниками: отъ нихъ вѣдь вся смута на Руси, они вѣдь пролили потоки крови истинно-русскихъ, православныхъ людей; они и теперь продолжаютъ свое кровавое дѣло. Цѣлыми тюками возвозятъ они по деревнямъ свои прокламаціи и подпольныя воззванія, въ которыхъ клеветуютъ на Правительство, призываютъ

къ бунту, сѣють всяческую смуту... Имъ хочется вмѣсто Русскаго Царя, Божія Помазанника, посадить царемъ въ нашей родной землѣ какого нибудь безбожника—іудея или русскаго вора-измѣнника и назвать его „президентомъ“. Ужели же, братіе, мы допустимъ до этого? Ужели опять выберемъ этихъ льстецовъ и разныхъ обманщиковъ, именующихъ себя разными кличками въ родѣ членовъ партіи „народной свободы“? Но вѣдь тогда мы сами окажемся измѣнниками святой нашей родинѣ, вѣдь тогда эти отъявленные враги наши уничтожатъ у насъ и вѣру нашу Православную, и Царя не пощадятъ, и землю нашу Русскую, кровью предковъ нашихъ политую, подѣлятъ между разными инородцами: іудеями, поляками, армянами, татарами и др. И станутъ тогда русскіе люди рабами этихъ инородцевъ; и снова на Руси настанутъ времена злой татарщины...

Нѣтъ! Не бывать тому, братіе! Мы хотимъ оставаться православными, мы хотимъ и въ Бога вѣровать, и Царю нашему православному, Божію Помазаннику вѣрою и правдою служить!

Къ вамъ особенно мое отеческое слово, простые русскіе люди! Пожалѣйте свою родину! Пожалѣйте себя самихъ! Берегитесь отъ лжецовъ и обманщиковъ, которые несомнѣнно явятся къ вамъ съ лъстивыми рѣчами и разными обѣщаніями. Не вѣрьте имъ! Не слушайте и не выбирайте тѣхъ, кого они вамъ будутъ указывать: выбирайте только тѣхъ, кто стоитъ за Царя Самодержавнаго и Неограниченнаго, за вѣру Православную и за Русскій народъ. А выбирать такихъ людей слѣдуетъ такъ: когда въ деревнѣ начальство назначитъ день выборовъ, то въ этотъ день *всѣ* крестьяне, имѣющіе свою усадьбу и живущіе въ ней не менѣе одного года, всѣ до одинаго должны итти въ волостное правленіе и тамъ, помолившись Господу Богу, отслуживъ по православному обычаю молебень, чтобъ призвать Божію помощь на великое дѣло, на волостномъ сходѣ выбрать изъ своей среды двоихъ, крѣпко стоящихъ за вѣру, Царя и Отечество. Эти выборные ваши потомъ сойдутся въ уѣздномъ городѣ съ уполномоченными отъ другихъ волостей и тамъ выберутъ изъ своей среды столько выборщиковъ, сколько для каждаго уѣзда показано закономъ. А эти выборщики уже сойдутся въ губернскомъ городѣ съ выборщиками отъ другихъ сословій, чтобы тамъ выбрать окончательно членовъ Думы. Отъ каждой губерніи обязательно долженъ быть одинъ членъ отъ крестьянъ. Онъ выбирается всѣми выборщиками, но непременно изъ *крестьянскихъ* выборщиковъ. Такимъ образомъ, если каждый сельскій сходъ выберетъ людей крѣпко стоящихъ за Вѣру и Царя, то и въ Думу непременно пройдетъ такой надежный человекъ. Этого и желаетъ нашъ Самодержецъ Государь. Онъ желаетъ, чтобы новая Дума была по духу—*русскою*.

Снова повторяю: берегитесь обманщиковъ! Говорю вамъ, какъ Богомъ данный вамъ пастырь вангъ. Если поддадитесь обману, я не буду отвѣчать предъ Богомъ за ваше несчастье: вотъ, я заранѣе предупреждаю васъ. Изстрадалась, измучилась наша бѣдная родина: пора ей отдохнуть. Пора намъ стряхнуть съ себя это навожденіе вражье, которое называется „освободительнымъ движеніемъ!“ Довольно лжи и обмана! Довольно крови, довольно безумной смуты! Мы не сдумѣли исполнить мудрый завѣтъ святаго Писанія: *удали нечестиваго отъ Царя и престолъ Его утвердится правдою*, — вотъ и подкрались было къ самому царскому престолу нечестивцы - безбожники и хотѣли загубить нашего Царя: ужели снова мы это допустимъ? Да сохранить насъ Господь всемилостивый отъ такой бѣды! Да поможетъ Онъ, милосердый, исполнить волю Царскую, какъ волю Божию, ибо сказано: *сердце Царево въ руцѣ Божіей*. Да возрадуется хотя нынѣ многоскорбный Царь нашъ о народѣ Своемъ и мы да возрадуемся о Царѣ нашемъ!

Призываю на всѣхъ васъ Божіе благословеніе!

Никонъ Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

На пути въ объятія Отчи.

Изъ дневника инока

(Продолженіе).

7 Марта—въ субботу послѣ всеношной подъ крестопоклонную недѣлю. Душа моя еще не совершенный сосудъ благодати. *Миръ и радость о Дусѣ Святѣ* послѣ св. причащенія обитали во мнѣ только недѣлю. Слѣдующую затѣмъ недѣлю душа моя была яко земля безводная. Солнце, предъ этимъ освѣщавшее ее какъ будто сокрылось за тучами. Ходилъ какъ ослабленный. Въ церкви и на молитвѣ не только очи ума и сердца, но и тѣлесныя очи какъ-то отяжелѣвали. Возмешь, силою возбудишь въ себѣ вниманіе къ тому, что читается и поется, но для самого незамѣтно опять погрузишься въ сонъ, и на лицѣ-то вмѣсто прежней улыбки, всякій разъ готово было отразиться раздраженіе изъ-за какогонибудь пустяка. Тутъ-то и подумаешь, что все, что добраго, привлекательнаго бываетъ въ человѣкѣ, то дѣло Божіяго вліянія на нашу душу, непосредственно-ли или чрезъ внѣшнія обстоятельства. Такъ я и рѣшилъ, что этимъ Господь хочеть укрѣпить во мнѣ мысль, что *„безъ Него не можемъ творить нечесоже. Той есть дѣйствующій въ насъ еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи*. И много, много требуется, чтобы всегда сохранить благодушное настроеніе.

Это даръ Божій и пріобрѣтается трудомъ. А пока мнѣ нужно съ терпѣніемъ и надеждою все переносить. Но благодареніе Господу, Утѣшителю нашему! Служба подъ крестопоклонную недѣлю, вынось Св. Креста, торжественное пѣніе умилительныхъ стихиръ пролило въ душу опять свѣтъ и радость. Крестъ Христовъ и для меня, какъ для подвижниковъ среди трудовъ, поста и молитвы, оказался *стѣннолиственнымъ древомъ*, какъ поется въ стихирахъ этого дня. Только послѣ минуты нѣкоторыхъ страданій способенъ бы-ваешь почувствовать въ надлежавшей степени посылаемая для утѣшенія духовныя радости. И только въ благодушномъ состояніи бы-ваешь способенъ оцѣнить значеніе предшествующихъ душевныхъ нестроений... Земная жизнь наша со всѣми ея проявленіями—школа, въ которой мы воспитываемся въ мужа совершенна во Христѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XLVI.

Понадобилось мнѣ какъ-то сдѣлать къ самовару трубу. Не смѣя съ такой малостью безпокоить начальника, я пригласилъ къ себѣ въ келью слесаря, не брата монастырскаго, а мірскаго, и просилъ его за мой счетъ сдѣлать мнѣ эту подѣлку. Онъ обѣщалъ исполнить заказъ къ слѣдующему дню. Прошло болѣе двухъ недѣль; вижу я его въ церкви и спрашиваю:

— „Что же вы мнѣ трубу?“

— „Простите“, отвѣчаетъ онъ мнѣ: „не знаю я, какъ вамъ объ этомъ и объяснить: въ то время, когда я отъ васъ пошелъ, меня кликнулъ къ себѣ отецъ казначей и спросилъ меня, у кого я былъ. Я сказалъ, что былъ у васъ, и когда онъ узналъ, зачѣмъ вы меня звали, то просилъ и не только просилъ, но строго приказалъ трубы вамъ не дѣлать. Пришлось приказаніе его исполнить, а послушаться его, сами знаете, я не посмѣлъ“.

— „Да сказалъ ли ты ему“, спросилъ я: „что я за работу заплачу?“

— „Какъ-же!“ — отвѣтилъ мнѣ слесарь: „конечно сказалъ. Только онъ къ вамъ, что-то замѣтно не благоволитъ“.

Не зная причины такого нерасположенія, не чувствуя за со-

бой никакой вины да притомъ и не имѣя съ казначеемъ никакихъ отношеній и даже разговоровъ, я удивился и пошелъ къ нему въ келью объясняться. Отецъ казначей былъ дома. Безъ малѣйшей тѣни неудовольствія въ голосѣ я спросилъ его:

— „Позвольте, батюшка, узнать, что за причина тому, что вы запретили слесарю дѣлать мнѣ трубу къ самовару? Вѣдь, вамъ извѣстно, что я ее заказалъ на мой счетъ?“

Отецъ казначей сконфузился и что-то невнятно сталъ говорить въ свое оправданіе, но мнѣ по его глазамъ ясно было видно, что въ его сердцѣ сѣмя ненависти ко мнѣ дало уже большіе ростки. Трубу мнѣ сдѣлали, но я еще долго не могъ дознаться причины злобы, которая противъ меня зрѣла въ душѣ казначея. Очень я скорбѣлъ духомъ, видя такую недоброжелательность.

Однажды во время Литургіи пріѣхалъ къ намъ въ обитель извѣстнѣйшій въ городѣ Лебедяни, благочестивый и ревностный къ благолѣпію храмовъ, и благороднѣйшій изъ дворянъ нѣкто Лука Алексѣевичъ Ѳедотовъ, болѣе извѣстный въ городѣ по прозвищу „Сибирякъ“. Пришелъ онъ прямо съ пріѣзду въ храмъ и сталъ ставить налѣпки и свѣчи къ святымъ иконамъ. Ставя свѣчу въ Успенскомъ придѣлѣ передъ иконой Покрова Божіей Матери, онъ замѣтилъ, что на паникадилѣ, висѣвшемъ передъ иконой, одна изъ трехъ цѣпочекъ была связана мочальной веревочкой. Это его тронуло до слезъ. Въ это время къ нему подошелъ отецъ игумень, случайно подошелъ и я ставить поданныя богомольцами свѣчи. Разговаривая съ отцомъ игуменомъ, Лука Алексѣевичъ обратился вдругъ ко мнѣ и сказалъ

— „Отецъ Ѳедоръ, что это такое? вы уже мочалой стали связывать цѣпи паникадила?“

Я чувствовалъ, что его замѣчаніе относится не столько ко мнѣ, сколько къ отцу игумену, здѣсь присутствовавшему, и, признаюсь, втайнѣ радовался. А Лука Алексѣевичъ между тѣмъ продолжалъ:

— „Ай да ктиторъ! Вотъ такъ молодецъ—мочалой спаиваетъ!“

Я воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ и въ отвѣтъ сталъ ему говорить:

— „Вотъ, то-то и есть: всю вину вы на ктитора возлагаете, а гдѣ ему взять? Ишь, вотъ вы и богаче другихъ, а привезли изъ экономніи своихъ свѣчей: а что бы купить ихъ въ храмѣ? Поневолѣ будешь связывать мочалой... Вонъ, видите, какъ иконостасъ-то ветхъ: чѣмъ насъ-то укорять,—вы имѣете средства, возьмите-ка да обрадуйте насъ—возобновите-ка его, и Покровъ Преблагословенной осѣнитъ дни жизни вашей и, если не здѣсь, то за гробомъ вы получите свою мзду, а святая Церковь будетъ за васъ вѣчно молиться словами заамвонной молитвы: „освяти любящихъ благолѣпіе дому Твоего“.

Видно, во благовременіи были сказаны мною эти слова, и не остались они безъ плода: послѣ Литургіи подошелъ ко мнѣ Лука Алексѣевичъ и сказалъ:

— „Прошу васъ, отецъ Ѳеодоръ, наймите рѣзчика и позолотчика и возобновите Успенскій иконостасъ, а что будетъ стоить, я беру расходы на себя. Но имѣйте въ виду, что такъ будетъ, если вы сами наймете, а если—о. игумень, то пусть самъ онъ и платитъ“.

Сказалъ онъ это такъ, потому что въ эти дни бѣдный о. игумень былъ въ періодѣ своей роковой болѣзни и пилъ почти что, называется, „мертвую“, и было это Лукѣ Алексѣевичу хорошо извѣстно.

По слову благодѣтеля, Успенскій иконостасъ былъ отдѣланъ за-ново, но вниманіе благодѣтеля ко мнѣ недостойному не прошло мнѣ даромъ.

XLVII.

Пришелъ я однажды вечеромъ въ келью отца казначея попросить у него для освѣщенія сальныхъ свѣчей. У казначея въ это время были гости—фельдшеръ градской больницы и еще одинъ монастырскій послушникъ, извѣстный своимъ особо безнравственнымъ поведеніемъ (впослѣдствіи онъ былъ сданъ въ рекруты). На столѣ стоялъ самоваръ и огромный графинъ съ „очищенной“. Получивъ благословеніе, я объяснилъ казначею цѣль своего прихода...

— „А, свѣчей тебѣ надобно, свѣчей?... Да, свѣчей!.. Да, вотъ, любезный, позволь-ка тебя спросить: какими это ты правилами руководишься, что каждую недѣлю сообщаешься Святыхъ Таинъ? А? что ты мнѣ на это отвѣтишь?“

Это была правда: со дня поступленія своего въ обитель и съ благословенія своего духовнаго отца, отца игумена, я каждую недѣлю или въ вечерню пятницы, или за утренней въ субботу исповѣдывался и въ тотъ же субботній день причащался Святыхъ Таинъ, что неуклонно исполняется мною и доселѣ...

— „Иль тебѣ неизвѣстно“, продолжалъ наступать на меня нѣсколько уже подвыпившій казначей: „что правила Церкви совѣтуютъ мірянину сообщаться только четыре раза въ годъ? Понимаешь ли ты, любезный, къ чему приступаешь? А?.. Вѣдь, это Таинство страшное—какъ же ты дозволяешь себѣ приступать такъ часто? А? Ты не имѣешь въ себѣ такихъ и добродѣтелей, чтобы быть достойнымъ такого частаго общенія со Христомъ... Ты, должно быть, сектантъ какой-нибудь! Ты—молоканъ!.. Навѣрно, молоканъ, а иначе бы ты не позволилъ себѣ быть такимъ дерзкимъ. Какая это у тебя цѣль? Сознайся—это для того, чтобы люди видѣли твое лживое благочестіе? Сознайся: ты—молоканъ? а? ну, говори!“

Хоть и поразило меня такое нападеніе, но я твердо отвѣтилъ отцу казначею въ присутствіи сказанныхъ двухъ свидѣтелей:

— „Если вы, батюшка, желаете знать Символь моей вѣры, то прошу васъ его выслушать отъ начала до конца“.

— „Говори! я слушаю“.

И я, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, началъ читать: „Вѣрую во Единого Бога Отца“... и кончилъ: „Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь“.

— „Вотъ“, сказалъ я: батюшка, мое исповѣданіе вѣры. А что я приобщаюсь каждую недѣлю, то это не по особымъ моимъ какимъ-либо достоинствамъ, которыхъ не имѣю, а потому что сознаю себя болѣе другихъ грѣшнымъ и больнымъ. Потому-то и приступаю къ Могущему спасти погибшаго. Вы знаете, что не здравіи требуютъ врача, а болящіе, и изъ нихъ первый есмь азъ. Не смѣю я допустить даже и мысли той, чтобы я когда либо могъ быть отъ дѣла достоинъ приобщенія сей Святынь, нѣтъ, а приступаю, сознавая себя крайне недостойнымъ, но только вѣрую, что, по благодати Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и за молитвы Преблагословенной и всѣхъ Святыхъ, я освящаюсь причащаясь... Что же касается моихъ сердечныхъ чувствъ, то предоставьте ихъ вѣдать Богу“.

Умолкъ отецъ казначей... Помолчавъ немного, онъ грубо спросилъ меня:

— „Ты кто“?

— „Послушникъ Θεодоръ“, отвѣчалъ я.

— „Хорошо—это мы сейчасъ узнаемъ, оправдаешь ли ты степень званія своего дѣломъ“...

И при этихъ словахъ онъ налилъ полный стаканъ „очищенной“ и, указывая своимъ перстомъ на стаканъ, повелительно сказалъ мнѣ:

— „Пей! Я тебѣ приказываю“.

Богу одному извѣстно, какъ тяжела была для меня вся эта сцена... Скрѣпя сердце, чтобы не дать излиться закипѣвшему въ немъ чувству гнѣва, я со смиреніемъ отвѣтилъ ему:

— „Простите, батюшка! Я этого исполнить не могу“.

— „Какъ такъ? это—почему?“

— „Да, потому“, сказалъ я: „что меня и безъ этого страсти тревожатъ и кишать въ моемъ сердцѣ, какъ черви, а Святой Апостоль Павелъ пишетъ, чтобы не упиваться виномъ, въ немъ же есть блудъ“...

— „Такъ я, стало быть, по твоему заключенію, блудникъ? А? Какъ смѣлъ ты мнѣ это сказать? А?“

И при этомъ казначей настолько вышелъ изъ себя, что началъ выражаться площадными словами, всячески ругая и понося меня.

— „Прекрасно! Благодарю!.. Такъ я блудникъ! Ахъ ты“...— кричалъ онъ на меня, все ближе и ближе на меня наступаая... Я пробовалъ его успокоить, но напрасно... Тогда я поклонился и пошелъ изъ кельи, но мнѣ пришлось уже не идти, а бѣжать, такъ какъ казначей кинулся было за мной, чтобы въ сѣняхъ меня схватить и бить, но я предупредилъ его намѣреніе бѣгствомъ. И долго я потомъ плакалъ, скорбя на казначея, который былъ только орудіемъ, на силу дьявольскую, которая въ обители со слабымъ управленіемъ творила безчиніе, какъ хотѣла.

XLVIII.

За работу по устройству и отдѣлкѣ моей кельи въ саду еще не было уплочено благодѣтелю моему, Николаю Васильевичу Чурилину. Очень меня это безпокоило, хотя Чурилинъ ни словомъ, ни дѣломъ не намекалъ мнѣ, что пора бы мнѣ произвести ему уплату. Довольно крупная сумма, данная мнѣ тестемъ брата передъ поступленіемъ моимъ въ монастырь, отъ которой у меня уже ни гроша не оставалось, лишила меня возможности обратиться вновь къ нему за помощью, а въ долгу мнѣ оставаться не хотѣлось. И очень я скорбѣлъ духомъ.

Какъ-то разъ иду я отъ своего послушанія къ себѣ въ келью, и неотступно преслѣдуетъ меня моя скорбная дума: какъ и чѣмъ рассчитаюсь я съ Чурилинымъ?. Вдругъ подходитъ ко мнѣ одна изъ извѣстныхъ своимъ благочестіемъ гражданокъ города Лебедяни и совершенно для меня неожиданно спрашиваетъ меня:

— „Не имѣете ли вы въ чемъ нужды?“

Очень тронулъ меня участливый тонъ вопроса, но, стараясь строго исполнять совѣты Святыхъ Отцовъ, не благословляющихъ монаху имѣть дѣло съ женскимъ поломъ, я скрылъ отъ нея свою нужду.

Спустя нѣсколько времени приблизился день памяти моего во блаженномъ успеніи старца, іеросхимонаха Макарія, скончавшагося о Господѣ 7-го Сентября 1860 года. Очень мнѣ хотѣлось почтить память блаженнаго старца особеннымъ угощеніемъ братіи, но, за неимѣніемъ средствъ, сдѣлать это представлялось крайне затруднительнымъ. Съ вѣрой и слезами помолился я Пречистой, прося Ее помочь мнѣ и осуществить мое усердное желаніе. За нѣсколько дней до дня кончины отца Макарія опять подошла ко мнѣ та же раба Божія и говоритъ:

— „Отецъ Ѳеодоръ! вы скрываете отъ меня нужды ваши, тогда какъ я навѣрно знаю, что вы крайне нуждаетесь: я видѣла во снѣ Ту, Ей же отъ Архангела было принесено съ небесе привѣтствіе—„Радуйся, Обрадованная“ и отъ Нея Самой я получила повелѣніе въ словахъ: „помоги ему“. Теперь даже и

стали бы вы отказываться, я не отойду отъ васъ, пока вы не примете отъ меня на нужды ваши“.

Что оставалось мнѣ дѣлать послѣ этихъ словъ?!

Отъ этой боголюбивой жены я получилъ столько, что хватило мнѣ и на расплату съ Чурилинымъ и на поминъ святой души праведнаго старца Макарія Оптинскаго.

И невыразимо я радовался изливаемымъ на меня, недостойнаго, милостямъ Препоблагословенной, и плакалъ я въ грѣшной своей молитвѣ ко Господу.

Я умолчу о имени той особы, черезъ которую я получилъ благодѣяніе, имѣя отъ нея заповѣдь не открывать ея имени во всѣ дни ея жизни, а если не будетъ особой надобности, то и послѣ ея смерти.

Какихъ только скорбей не въ силахъ перенести вѣрующая душа человѣческая при одномъ только такомъ знаменіи съ неба!

Буди Имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка!..

XLIX.

Однажды въ праздничный день отецъ игумень не присутствовалъ за трапезой. Былъ одинъ отецъ казначей и, конечно, братія. Я былъ назначенъ на этотъ день читать за трапезой Четь-Минеи. Во время трапезы братія, пользуясь послабленіемъ со стороны казначея, до того забылась, что смѣхомъ, громкими разговорами и разными безчинными дѣйствіями окончательно заглушили чтеніе. Я остановился читать и умолкъ. Молчалъ я довольно-таки долго, пока не замѣтилъ этого отецъ казначей и не обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— „Это что еще такое значить? Почему ты замолчалъ?“

— „Да чтобы не мѣшать общему вашему разговору“,—отвѣтилъ я.

— „Читай!“—крикнулъ на меня казначей: „читай, мальчишка!“

Я повиновался и началъ читать. Но казначей съ братіей, какъ бы нарочно, заговорили еще громче прежняго, а нѣкоторые стали между собою ругаться, толкая другъ друга въ бока.

Грустно мнѣ стало смотрѣть на допущенное безчинство: духъ мой возмутился до слезъ, а сердце, какъ бы пламенемъ, охватила по Бозѣ ревность, я громко сказалъ:

— „Отцы святые и братія! ради Препоблагословенныхъ Дѣвъ, Матери Бога нашего, именемъ всѣхъ святыхъ, а наипаче Преподобныхъ Отецъ, писавшихъ уставы чиноположенія для обители, ради Антонія и Θεодосія и всѣхъ святыхъ Печерскихъ, умоляю васъ умолкнуть и слушать чтеніе! Или ужъ благословите мнѣ замолчать, и тогда продолжайте свои разговоры. Только прежде обратите вниманіе на свое безчиніе: сообразно ли оно съ мѣстомъ, временемъ и долгомъ степени вашего званія?“

Боже мой! что тутъ подѣлалось и съ казначеемъ, и со всей частью единомысленной ему братіей! Рѣкой полились на меня укоризны, ругательства—словомъ въ трапезной воцарился полный хаосъ...

— „Вотъ явился въ нашъ вѣкъ какой ревностный преподобный! Ахъ, ты мальчишка!“ — раздались гнѣвныя восклицанія: „что ты? начальникъ что-ли нашъ? Изъ молодыхъ, братъ, да хочешь быть раннимъ“!..

— „Яйца что-ли куръ учать?“—кричалъ на меня казначей: „еще насъ учить вздумалъ! Да какъ ты смѣлъ это при мнѣ сказать всей братіи?“

Я воспользовался мгновениемъ затишья ихъ ярости и громко сказалъ:

— „Вы слышали, что я сказалъ и какъ сказалъ. Теперь мое дѣло—молчать, а ваше—или исполнить мою просьбу, или держаться своихъ правилъ“...

Опять поднялась противъ меня буря, но я уже молчалъ до самаго конца трапезы и ото всего сердца молился за нихъ Богу.

Не прошло мнѣ это даромъ, и вскорѣ ризничій донесъ на меня отцу игумену, что онъ замѣчалъ неоднократно, какъ я, оставаясь одинъ въ алтарѣ, становлюсь противъ Престола на священническомъ мѣстѣ, преклоняю колѣни, цѣлую Престолъ, беру съ Престола Крестъ и Евангеліе, цѣлую ихъ и потомъ будто даже касаюсь святаго Ковчега и беру изъ него для цѣлованія въ руки Святое Тѣло и Кровь Господню. Отецъ игумень призывалъ меня къ себѣ и началъ мнѣ дѣлать строгое замѣчаніе въ присутствіи ризничаго, который даже при мнѣ не постѣснялся подтвердить взведенную на меня клевету.

„Не смѣю я много оправдываться и увѣрять васъ, отецъ игумень, въ своей невинности“, сказалъ я: „но попрошу васъ, отецъ игумень, приказать ризничему пойти со мной въ Троицкій храмъ и подтвердить свои слова передъ иконой Одигитріи, и если его не постигнетъ въ эти же минуты судъ Божій, тогда признайте меня виновнымъ“.

Но отецъ игумень велѣлъ мнѣ оставить это дѣло безъ послѣдствій, а спустя нѣкоторое время, убѣдившись какимъ-то образомъ, что я былъ оклеветанъ, самъ у меня просилъ прощенья въ томъ, что повѣрилъ клеветѣ, по злобѣ на меня взведенной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОНАХЪ ЮАННЪ.

(На добрую память о Ванѣ).

30 Января 1907 года въ Заоникіевской пустыни Вологодскаго уѣзда скончался и тамъ же погребенъ монахъ Юаннъ, въ мѣрѣ

Иванъ Ефимовичъ Смирновъ, 50 лѣтъ отъ роду, извѣстный среди знавшихъ его людей болѣе подъ именемъ *Вани*.

Такъ какъ въ городѣ Вологдѣ и за предѣлами его весьма многіе знали Ивана Ефимовича и относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, такъ какъ человѣкъ этотъ дѣйствительно имѣлъ замѣчательныя нравственныя качества, привлекавшія къ нему искреннее расположеніе, то грѣшно было бы съ молчаніемъ отнестись къ кончинѣ его. Со смертію Ивана Ефимовича не должна исчезнуть память о немъ. Знающіе о кончинѣ его уже молятся объ упокоеніи души его; будутъ молиться и тѣ, которые получаютъ печальную вѣсть о смерти его. Теперь же, когда Иванъ Ефимовичъ удалился въ жизнь вѣчную, умѣстно сказать, во всеобщее свѣдѣніе, все, что извѣстно намъ изъ жизни его.

Иванъ Ефимовичъ былъ сынъ бѣдныхъ крестьянъ С.-Петербургской губ. Шлиссельбургскаго уѣзда, Ефима и Надежды Смирновыхъ, впослѣдствіи служившихъ у С.-Петербургскаго купца Сивохина—отецъ кучеромъ, мать кухаркою. Отъ самого рожденія онъ имѣлъ слабое тѣлосложеніе и другіе природныя недостатки и къ самостоятельному труду былъ совсѣмъ неспособенъ. Родители хотѣли было помѣстить сына своего въ богадѣльню, но онъ рѣшительно отказался идти туда, и промыслъ Божій указалъ ему другой путь. Съ купцомъ Сивохинымъ былъ знакомъ Игумень Серафимъ, настоятель Владимірской Заоникіевской пустыни, Вологодской губерніи, который при поѣздкахъ въ С.-Петербургъ посѣщалъ домъ Сивохина и здѣсь познакомился съ семействомъ Смирновыхъ. Когда мальчику было 15 лѣтъ, отецъ попросилъ игумена взять сына въ обитель и въ качествѣ взноса за него предложилъ 100 руб. Игумень принялъ участіе въ положеніи мальчика и взялъ его съ собою. Такъ Иванъ Ефимовичъ оказался въ Заоникіевской пустыни на попеченіи о. Серафима, впослѣдствіи Архимандрита. Но монастырь не былъ мѣстомъ постояннаго жительства Ивана Ефимовича. Нѣкоторые изъ обывателей г. Вологды, отстоящей отъ монастыря въ 14 верстахъ, посѣщавшіе обитель, полюбили мальчика и иногда увозили его въ городъ. Вологда такъ понравилась ему, что онъ очень рѣдко возвращался въ монастырь, и только по прошествіи многихъ лѣтъ чаще посѣщалъ его, оставаясь здѣсь на болѣе продолжительное время; послѣ постриженія въ рясофоръ съ благословенія бывшаго Преосвященнаго Вологодскаго Алексія, жилъ въ монастырѣ до кончины своей.

Такимъ образомъ, вологжане знали Ивана Ефимовича болѣе 30 лѣтъ; а такъ какъ онъ началъ бывать въ городѣ въ возрастѣ мальчика, то всѣ называли его простымъ именемъ *Ваня*, которое и оставалось за нимъ до послѣднихъ дней его жизни. Постояннаго мѣстожителства въ городѣ Ваня не имѣлъ. Было

у него нѣсколько излюбленныхъ домовъ, въ которыхъ онъ обыкновенно находилъ себѣ пристанище, но на продолжительное время ни въ одномъ домѣ не оставался: поживетъ одинъ или два—три дня въ одномъ домѣ и уходитъ въ другой; весьма рѣдко оставался въ одномъ мѣстѣ на нѣсколько недѣль. Ваню всюду принимали весьма ласково, всегда рады были его посѣщенію; при встрѣчѣ приглашали къ себѣ, многіе готовы были въ домѣ своемъ дать ему постоянное помѣщеніе со всѣми жизненными удобствами; но онъ, видимо, уклонялся отъ такихъ предложеній, потому что никого не хотѣлъ стѣснять своимъ продолжительнымъ присутствіемъ, избѣгая малѣйшихъ поводовъ къ какому либо неудовольствію противъ него. Все это прекрасно сознавалось всѣми и потому-то въ общемъ расположеніи къ нему въ средѣ его почитателей сохранялась, дѣйствительно, неизмѣнная ровность, не омрачавшаяся малѣйшею тѣнью недовольства. Его можно было только любить и другое отношеніе къ нему было не мыслимо. Самый внѣшній видъ его и внѣшній образъ дѣйствій невольно возбуждали сочувствіе и уваженіе къ нему.

Иванъ Ефимовичъ отъ природы не имѣлъ полного физическаго развитія; не высокаго роста, худощавый, не твердый на ногахъ и нѣсколько прихрамывавшій, онъ не имѣлъ вида возмужалости и фізіономія его постоянно сохраняла обликъ юношеской незрѣлости; въ довершеніе физической неразвитости, онъ имѣлъ совсѣмъ слабый даръ слова: могъ произносить внятно очень немногія слова, а вся остальная рѣчь его состояла изъ полусловъ, или неотчетливыхъ звуковъ, такъ что только близко знавшіе его могли понимать, что говорилъ онъ. Внѣшнія дѣйствія его носили отпечатокъ дѣтской простоты и наивности. Никого онъ ничѣмъ не оскорблялъ, ни на кого не гнѣвался; если уличные шалуны дѣлали ему какія либо непріятности, онъ молча уходилъ и на будущее время въ тѣхъ мѣстахъ старался не показываться. Очень любилъ дѣтей маленькихъ, которыя въ свою очередь отвѣчали ему своимъ расположеніемъ, и, посѣщая семейства, съ удовольствіемъ раздѣлялъ съ дѣтьми игры и забавы, сидя на полу; но сохранялъ при этомъ внушительный видъ и непристойныя шалости дѣтей всегда останавливалъ. Особенно интересовало дѣтей показываніе по вечерамъ тѣней на стѣнѣ при помощи пальцевъ, которыя онъ выполнялъ художественно, такъ что и взрослыхъ приводилъ въ удивленіе; его тонкіе пальцы настолько были гибки, что могли пригибаться къ рукѣ въ обратную сторону ладони; отъ того тѣни на стѣнѣ двигались быстро и складывались въ разныя картины превосходно. Безъ дѣла сидѣтъ Ваня не любилъ; или разговаривалъ, или, попросивши бумаги, писалъ карандашемъ разныя рисунки и исписывалъ по нѣсколько листовъ; рисовалъ обыкновенно предметы церковной утвари, но

никогда не брался за писаніе иконъ. Внутреннія желанія свои Ваня всегда высказывалъ откровенно: придетъ въ домъ къ знакомымъ и, если хочетъ ѣсть, скажетъ, что не обѣдалъ; если нужны были деньги, скромно попроситъ и только у близко знакомыхъ ему; но, замѣчательно, никогда не употреблялъ эти деньги на покупку какихъ либо вещей для себя, а обыкновенно уносилъ ихъ въ храмъ на свѣчи предъ Св. Иконами, или раздавалъ нищимъ. Безкорыстіе его было полное. Считать деньги онъ не умѣлъ и долго не держалъ у себя; придетъ, бывало достанетъ изъ кармана подаренный кѣмъ либо кошелекъ и попроситъ сосчитать, сколько тамъ денегъ; придетъ на другой день,—и ни денегъ, ни кошелька уже нѣтъ; все отдано въ храмъ и нищимъ. Къ характернымъ особенностямъ внѣшняго поведенія его относилась еще чистоплотность. Не любилъ онъ одежды и обуви грязной или разорванной и постоянно былъ одѣтъ и обутъ опрятно и прилично. Однако и въ этомъ отношеніи не замѣтно было ни малѣйшаго пристрастія къ внѣшнимъ вещамъ, какъ не было никакого пристрастія къ деньгамъ. Потребуется чистое бѣлье, — придетъ къ знакомымъ и заявитъ свою нужду; потребуется замѣнить обувь или одежду болѣе приличными,—и на эту нужду свою очень скромно укажетъ и никогда не было ему отказа. Зная эту особенность, многіе старались предупредить его скромныя просьбы и намеки и считали для себя пріятнымъ долгомъ предложить ему разныя вещи. Внѣ знакомыхъ домовъ онъ никогда ничего не просилъ.

Но сама по себѣ привлекательная внѣшняя, дѣтски наивная простота, полнѣйшая дѣтская безхитрость соединились съ незамѣнимыми нравственными качествами. Въ слабомъ тѣлѣ заключался высокій хрістіанскій духъ. Не получивши никакого систематическаго воспитанія, какъ птица небесная, скитавшійся изъ одного дома въ другой, бывшій постоянно, такъ сказать, открытымъ для окружающей среды съ ея разнообразными не добрыми только, но и недостойными и соблазнительными явлениями, Иванъ Ефимовичъ своею дѣтскою впечатлительною душою, своимъ сердцемъ воспринималъ и усваивалъ только хорошіе примѣры, явленія же противоположнаго характера нисколько не увлекали его. Его личность воплощала цѣльную, неиспорченную духовную натуру. Никогда онъ никого не осуждалъ; незлобіемъ обладалъ полнымъ; открытый, прямой и добродушный взоръ его обнаруживалъ совершенную безхитрость и отсутствіе всякаго лицемѣрія.

(Окончаніе слѣдуетъ).